

К И Р И Л Л

РОМАН

РОМАНОВ

16+

Роман Романов

Кирилл

«Автор»

2018

Романов Р.

Кирилл / Р. Романов — «Автор», 2018

Герои рассказа - близнецы Кирилл и Роман. Несмотря на внешнюю схожесть, они сильно отличаются характерами и мировидением, при этом ревниво относятся к тем природным дарованиям друг друга, которых лишены сами. Кирилл нередко попадает в затруднительное положение, а Роман всегда спешит к нему на выручку - правда, неясно, искренне он пытается помочь или же преследует свои, только ему понятные цели. Для оформления обложки автор использовал графическое изображение художника А. Тена из серии "Образы театра".

© Романов Р., 2018

© Автор, 2018

*Выходя из кафе,
Не узнают свое пальто,
Но не знают,
Что и пальто их не узнает.*
В.Х. Даглардж, «Стать другим»

Посвящаю своему старшему брату.

Хотя на самом деле еще неизвестно, кто из нас двоих старший: разница между нашим появлением на свет – какие-то несчастные пятнадцать минут, и в данном случае говорить о первенстве, по-моему, просто смешно. Это лишь в нашей семейке дело обставили таким образом: Кирюха вылез первый, и поэтому старшим всегда считали именно его. А второго – меня то есть – до последнего момента вообще никто не ждал: ни родители, ни врачи, контролировавшие беременность моей матери. Никаких УЗИ тогда в помине не было, а сами специалисты по разным обстоятельствам не сумели определить, что в глубинах материнского чрева растет себе, спокойненько развивается еще и второй плод-скромняга. Получается, для родителей я вообще не существовал на протяжении этих девяти месяцев, и все сладкие обращения матери к эмбриону, ее любовь и радостные ожидания предназначались исключительно ему, моему дорогому братику. Когда один из нас шевелился внутри – стучался головкой о стенку живота или делал разминку своих несовершенных конечностей, – все, разумеется, умильно вздыхали и говорили: «Ах, смотрите, это Кирюшенька вас приветствует». Логично предположить, что до рождения я тоже мог быть полноправным Кириллом и имел все шансы носить это имя до конца жизни.

Отец, нетерпеливо ожидавший в приемной роддома, когда жена освободится от бремени, со сдержанной радостью воспринял от акушерки известие о появлении на свет сына. Он растроганно объявил всему медперсоналу, что отныне будет самым счастливым папашей в мире. Через четверть часа, однако, таковым себя уже не считал – вы понимаете, что это произошло в ту минуту, когда ему преподнесли новость о неожиданном рождении Кирюшиного двойника, то есть меня. Замешательство отца было вызвано не только тем, что своим своевольным пришествием в жизнь я становился причиной незапланированных семейных расходов: не обладая реактивностью ума и гибкостью воображения, старик совершенно не представлял, как же ему меня назвать. Имя для моего счастливого братца он подбирал очень неспешно, потратив на поиски подходящего варианта не один месяц и изучив вдоль и поперек словарь мужских имен.

На помощь ему пришла акушерка, всем видом излучавшая заботу и дружелюбие: она посоветовала растерянному папочке назвать меня в честь него самого, Романом, и тот вздохнул с облегчением – по его мнению, вариант был не самый плохой. Так на свет появился фонетический монстр, аллитерационное страшилище, полное звучание которого легко восстановить, взглянув на фамилию автора этих строк и произведя несложные умозаключения. Получилось, черт возьми, не имя, а готовый псевдоним для литературных публикаций!

По воле природы оказавшись однойцовыми близнецами, мы с Кириллом обладали поразительным сходством: оба черноволосые, одного роста и веса, мы родились с одинаковыми изумленно взирающими на мир глазенками. Опытная акушерка каким-то чудом подметила, что у моего братика нос немного длиннее, и взяла данную приметку на вооружение. Однако и она растерялась, когда после первой отлучки от матери нас вернули в палату идентично спеленатыми. Добрая женщина внимательно разглядела наши носопырки и, как отметила мама, не очень-то уверенно сказала, указывая на одного из нас: «Это Кирюша».

Чувствуете, как судьба играла новорожденными близнецами? Она словно дразнила нас, тасовала вслепую, чтобы в конце концов присвоить счастливчику звание первенца и отдать ему соответствующие привилегии – тщательно подобранное имя и львиную долю родительской

любви. Я надеюсь, вы понимаете, как смехотворны показания акушерки, которую провидение избрало своим орудием, и как легко она могла ошибиться, сравнивая наши практически неразличимые носы. Кто сегодня может поручиться за то, что нас тогда действительно не перепутали и мой братец на самом деле является Кирюшей? Может быть, мне вполне небезосновательно кажется порой, что я – в большей степени Кирилл, нежели он сам.

Удивительно похожие внешне, мы с самого начала резко отличались характерами, а также способом познания окружающего мира. Кирюша, как и положено старшему и более любимому сыну, был весел, боек и общителен; желание есть, играть и находиться в сухих ползунках он выражал громким, требовательным криком, открыто идущим из самых глубин его естества. Братишка был любопытен и спонтанен в своих действиях: совершая какую-нибудь мелкую пакость, он лишь потом думал, нужно ли это было делать. Точнее, Кирилл вообще не думал, это делал за него я – образно говоря, я был мыслительным центром брата, его аналитическим органом. С ранних лет склонный к уединению и неторопливым размышлениям, серьезный и малообщительный, я обладал даром философского обобщения разрозненных фактов и целостным, многогранным *видением* ситуации, чего был напрочь лишен «светский», сиюминутный Кирилл.

Бывало, легкомысленно набедокурив и получив от взрослых нагоняй, он врывался в детскую, где я медитировал над объемным сооружением из цветных кубиков. Весь эмоции и сопли, Кирилл бросался на пол и, сотрясаясь от рыданий, жаловался на отца, который на него наорал и даже выдал пару подзатыльников – все, дескать, из-за того, что он делал самолетики из лежавших на столе листов бумаги и отправлял их в полет с балкона. Я обнимал братишку, успокаивал как мог, давал поиграть кубиками, а сам шел выяснять, за что Кирюхе влетело.

Неслышно замирая под дверью кухни, я слушал исподтишка, как отец раздраженным голосом произносил непонятные слова – «отчет», «баланс», «месячная работа», «все псу под хвост» (неласково вставляя тут и там имя моего брата), – и выстраивал в голове приблизительную картину Кирюхиного проступка. Когда я возвращался в нашу комнату, братец уже успевал осушить слезы. Безжалостно разрушив мой многомерный дворец, он выкладывал из кубиков плоскую абстрактную мозаику, беспорядочно и хаотично соединял цвета, повинувшись лишь своему изменчивому настроению, а отнюдь не интеллектуальным расчетам, характерным для моего творчества.

Я терпеливо объяснял Кириллу, за что ему попало: дескать, по своему легкомыслию он уничтожил важные документы, на подготовку коих отец угрохал уйму времени и за которые ему теперь самому влетит на работе. Кирюша вздыхал, чистосердечно раскаивался в содеянном, соглашался, что поступил необдуманно и понес заслуженное наказание. Он с восхищением, почти с обожанием глядел на меня: я вносил божественную искру осознанности в его маленький сумбурный мир, полный ураганных событий и – на взгляд Кирилла – беспричинных ударов судьбы. Своей рассудительностью я успокаивал брата и восстанавливал в его душе кратковременную гармонию, которую он в следующую минуту готов был разрушить новой непредсказуемой выходкой.

***

Сегодня никто не может сказать наверняка, когда я научился читать: отец утверждает, в три с половиной года, мать говорит – в четыре; точно так же по сей день неизвестно, кто именно обучил меня складывать буквы в слова. В один прекрасный день мама пришла за нами в детский сад, и перед ее изумленным взором предстала *чудная* картина: я сидел, окруженный зачарованными одноклассниками, и, выразительно интонируя предложения, читал им волшебную историю про Золушку. Кирилл же на глазах у детей вдохновенно выполнял пластические этюды, на ходу иллюстрируя сказку: он как раз изображал превращение тыквы в карету, в которой Синдерелла отправится на бал.

Потрясенная мать спросила у воспитательницы, что значит это представление. Вечно занятая работой и домашним хозяйством, она даже не догадывалась, что один из ее сыновей умеет читать, а второй с удовольствием выпендривается перед публикой, создавая потешные сценические образы. Пожав плечами, воспитательница сказала, что в детсаде о близнецах-вундеркиндах уже давно ходит звездная молва и странно, что родители не знают о талантах собственных детей. Маман сокрушенно покачала головой: мол, их двоих бы накормить досыта да одеть худо-бедно, вот и кручусь весь день как белка в колесе, где уж тут замечать и развивать природные дарования отпрысков – пусть этим воспитатели занимаются, они в педагогике куда больше смыслят.

Действительно, родителям не было никакого дела до нашего внутреннего мира, да и не очень-то он их, рабоче-крестьянских потомков, интересовал: тонкие сферы духа были для них несусветной чушью, фантазиями буржуев-бездельников, которые «только и делают что с жиру бесятся». Наши с Кириллом создатели воспринимали жизнь сугубо материально, как череду трудовых будней, и цель существования усматривали в непрерывном добывании хлеба насущного, политого праведным потом.

Ну, может быть, иногда не совсем праведным: наша мамочка, заведовавшая складом центрального универмага, допускала легкие отклонения в образе советского труженика. Она любила приговаривать: «Хлеб и книги воровать не грешно», по вечерам устало выкладывая на стол дефицитные чешские колготки и ароматные куски импортного туалетного мыла, что тайком уносила с работы. Мы с братишкой замирали от удовольствия, слушая эту сентенцию – философское обобщение материнского жизненного опыта, – не пытаюсь вникнуть в смысл слов и понять, что общего может быть между нейлоновыми чулками и хлебом. Лично мне созвучие этих слов доставляло чисто эстетическое наслаждение, всякий раз вызывая пробегающие по спине мурашки с холодком. А вот Кириуша, похоже, принял изречение матери за божественное откровение и в своем простодушии взял его на вооружение.

Однажды Боря Федоров, наш товарищ по детскому саду, принес в группу супер-книгу «Библия для детей». До сих пор не могу понять, где Борькины родители откопали это издание, полное дивных иллюстраций – тогда, в самый расцвет воинствующего советского атеизма. Гордый обладатель книги медленно переворачивал гладкие страницы, едва дотрагиваясь до них пальцами, и перед глазами малышей, затаивших дыхание от восхищения и зависти, мелькали яркие картинки с изображением людей в чудных одеждах, диковинных животных и невиданных строений. Я слышал, как сильно бьется рядом со мной сердце Кирилла, угмонившегося и непривычно смиренного, и чувствовал, что он чуть не плачет от нахлынувшего на него восторга. Кто-то из детишек предложил почитать книгу, и Борька, еще не владевший искусством оживления печатного слова, нехотя передал Библию в мои руки. С трепетом принял я роскошное издание и, открыв наугад одну из страниц, начал читать:

И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдём в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его...

– Чушь собачья, – внезапно прервал меня местный авторитет Костя Родионов, громко зевнув, – с твоим щавелем от тоски сдохнуть можно. Пацаны, айда в войнушку играть!

Общество и в самом деле было разочаровано: все клюнули на многообещающие картинки и ожидали занятную сказочку про семерых козлят, а вместо этого – вот вам! – бред сивой кобылы про овец да братьев-баранов. Дети, они ведь сами как стадо: куда вожак направит, туда и ринутся сломя голову, – поэтому через минуту Борька со своим оплеванным сокровищем был предан забвению, а малыши с шумом и гиканьем понеслись на поиски новых забав. Раз-

венчанный герой дня постоял немного в гордом одиночестве, потом с досады плюнул, швырнул Библию на подоконник и побежал вслед за остальными. Про книгу до поры до времени забыли.

В тот день после обеда, когда дети один за другим погрузились в сладкую дремоту на своих раскладушках, группа внезапно содрогнулась от дикого вопля, который издал мой братец. Все переполошенно вскочили с постелей и увидели, что Кирюха сидит, схватившись рукой за челюсть, а по щекам у него градом катятся слезы. В комнату ворвалась испуганная воспитательница и, увидев моего несчастного близнеца, подбежала к нему узнать, что с беднягой стряслось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.